

Художник Е. Станикова

Зверик

Марина Мартова

Зверик был похож на маленькую белку или очень большого хвостатого хомячка. Он подставлял любопытствовавшим школьникам бочок погладить, тыкался мордочкой, но с плеч хозяйки не слезал. Классный хулиган Максим попробовал дернуть его за хвост. Тогда хранитель засвистел — как всем показалось, совсем тихонько. Но мальчишка схватился за уши и отбежал подальше.

Родители Саши приходили ко мне еще в июне, когда решили перевести девочку в наш второй «Б». У нее был диабет, а коррекцию иммунной системы, необходимую перед посадкой стволовых клеток, проводят только с двенадцати лет. Ребенок есть ребенок. Оказавшись без присмотра, он легко выкинет ненавистные тест-полоски, лишь бы почувствовать себя таким же, как все. Вот для таких маленьких больных и вывели хранителей. Они могли вынюхать содержание в крови глюкозы, инсулина или гормонов надпочечников, почувствовать, что хозяин слишком возбужден или напуган, потеревить его за ухо, напомнив, что пора принять таблетку или сделать укол. Младенцам, говорят, они даже способны сделать массаж сердца, потоптавшись лапками по груди.

Саше с ее Хронькой завидовали все. В том числе дети, родители которых передергивались при слове «генно-модифицированный». На музыке он смешно открывал пасть, издавая ему одному слышимые звуки. В столовой пробовал ее еду и порой недовольно стрекотал.

Словом, прошли два года, и я не представлял, что с хранителем могут быть какие-то проблемы. Пока директор не вызвала меня для частного разговора.

— Вы знаете Матвея из параллельного класса? Мальчика с хранителем? Эти создания что, все такие неуправляемые?

НАНОФАНТАСТИКА

— А что случилось?

— Его зверь на учительницу напал. Ну... насвистел. Я не понимаю, как их вообще в школу пускают. Ходячий прибор для химического анализа, ни капли мозгов.

— Зоя Владимировна на мальчика что, накричала? — спросил я. — Матвею же нельзя волноваться. У него эпилептический статус и еще куча диагнозов.

— Да не кричала она на него. Просто весь класс пыталась призвать к порядку. Совершенно же неуправляемые. Матвей занервничал, попросился выйти, она его не пустила. В конце концов, если ты такой нежный, учись дома.

— Татьяна Евгеньевна, вы знаете, что я про коллег стараюсь при всех слова дурного не говорить. Но я у «вэшек» все время подменяю, и свое мнение у меня сложилось. Они ведь потому ничего, кроме крика, и не слышат, что на них все время орут. Переведите Матвея ко мне, в конце концов.

— И у вас тогда будут двое больных в классе. Еще и с этими... хвостатыми. Вы же не справитесь.

Дверь скрипнула. На пороге стоял на задних лапах зверик, а за ним в комнату неуверенно заглядывал Матвей. До этого я считанные разы видел хранителя слезшим с хозяина. Обычно они сидели на плече или дремали, обвившись вокруг шеи, как пушистый воротник, или расхаживали по вытянутой руке. За дверью шумела перемена, бегали старшеклассники. Много огромных длинных ног, обутых в большие сандалии и туфли с острыми каблуками. Я представил, как зверик шел сюда с нижнего этажа, ведя за собой мальчика, и мне стало зябко и неуютно. Хранитель уверенно засеменил к нам, положил лапы на мое колено и, задрвав голову, тревожно заглянул в глаза.

— Видите, Татьяна Евгеньевна, — сказал я, — тоже просят перевести. Никак нельзя отказать.

